

«ПИСЬМА ИЗ РОССИИ» ИСПАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ХУАНА ВАЛЕРЫ: РУСИЗМЫ В ПЕРВОМ БЫТОПИСАНИИ

Мамилова Светлана Абдурахметовна

Аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
serdle@mail.ru

"LETTERS FROM RUSSIA" BY SPANISH WRITER JUAN VALERA: RUSSIANISMS IN THE FIRST EPISTLE

S. Mamilova

Summary: This article is devoted to the work of the Spanish diplomat and writer Juan Valera, dedicated to his journey to Russia, and the Russianisms contained therein. This is the first work of its kind in Spanish, there is almost no research on it, which determines the relevance of the article. It provides historical information about the work and the time of its creation, a summary and analysis of the Russianisms given in it. When writing the article, the descriptive method and the method of comparative analysis were used. As a result of the study, the Russianisms that first appeared in the Spanish literary text (and then in the Corpus of the Spanish language) were identified, and the features of their transmission by Valera in Spanish were analyzed.

Keywords: Juan Valera, Spanish, Russianisms, realities, toponyms, anthroponyms.

Аннотация: Настоящая статья посвящена произведению испанского дипломата и писателя Хуана Валеры, посвящённое его путешествию в Россию, и имеющимся в ней русизмам. Это первое произведение такого рода на испанском языке, о нем почти нет исследований, что обуславливает актуальность статьи. В ней даются историческая справка о произведении и времени его создания, краткое содержание и анализ приведённых в нем русизмов. При написании статьи были использованы описательный метод и метод сравнительного анализа. В результате исследования были выделены русизмы, впервые попавшие в испанский художественный текст (а затем и в Корпус испанского языка), проанализированы особенности их передачи Валерой на испанском языке.

Ключевые слова: Хуан Валера, испанский язык, русизмы, реалии, топонимы, антропонимы.

Введение

Наша статья посвящена теме русизмов в одном из интереснейших художественных произведений на испанском языке, где впервые была предпринята попытка передачи русских слов средствами испанского языка. По теме заимствований из русского языка (русизмов) в испанском языке имеется не так много работ, поэтому данная статья может предоставлять несомненный интерес. В статье пойдет речь о «Письмах из России» испанского писателя Хуана Валеры.

Хуан Валера (1824-1905) – крупнейший писатель-реалист Испании. Будучи дипломатом, он в 1957 г. посещает Россию. В предисловии к испанскому изданию «Писем из России» Хуана Валеры А. Кардино пишет, что в XIX в. испанцы много путешествовали, однако в испанской литературе следов от этих путешествий осталось мало [1, с. 9-10]. И на этом фоне очень выделяются «Письма из России» Х. Валеры. Это не просто описание путешествия, это зачастую философские эссе. Валере удалось проникнуть в мир далекой экзотической страны. О своем путешествии в Россию сам он писал так: «Меня задерживают здесь и любопытство, и живейший интерес, которые внушают мне здешние порядки. Не знаю, что я отдал бы за знание русского языка и возможность познакомиться с местной беднотой и глубоко понять их обычаи, их веро-

вания, их мысли и чаяния» [2, с. 149]. «Письма из России» переиздавались в Испании несколько раз (в России есть одно издание).

Историческая подоплёка «писем из России»

«Письма из России» переиздавались в Испании несколько раз (в России есть одно издание). В последнем издании 2005 г. введение написано профессором Анхелем Луисом Енсинасом Моралем, доктором славянской филологии Университета Комплутенсе (Мадрид). Как он пишет, Валера приехал в Россию спустя год после окончания Крымской войны. В результате этой войны страна потеряла все стратегически важные пункты в Европе и на Среднем Востоке. Европейские державы хотели ослабить царизм. Новый царь, Александр II, понимал, что на смену крепостничеству должен прийти капитализм, чтобы российская монархия могла выжить. И хотя эпоха Николая I закончилась, его сын не собирался идти по пути демократии. Страна переживала как экономический, так и социальный кризис. Существовали разные проекты освобождения крестьян [3, с. 17-21].

По словам В.Е. Багно, «после долгого перерыва (1833-1856), вызванного отказом петербургского кабинета признать право на испанский престол за Изабеллой II, Россия и Испания в равной степени испытывали необ-

ходимость в возобновлении дипломатических отношений». В конце декабря 1856 г. появилась в Петербурге испанская дипломатическая миссия. Секретарем этого чрезвычайного посольства и был назначен Хуан Валера. Получилось так, что он пробыл в России полгода, что позволило ему создать шедевр испанской эпистолярной прозы, ставший одним из самых ярких сочинений иностранцев, посвященных России. Славу Хуана Валеры составили обширные и подробные письма, регулярно им посылавшиеся в течение полугода. Они были адресованы его приятелю и высокопоставленному чиновнику Леопольдо Аугусто де Куэто, а также матери, сестре и известному испанскому поэту Рамону де Кампоамору. Эти вроде бы частные письма были максимально насыщены «официальной» информацией и полуофициальными наблюдениями и прогнозами. Валера явно предназначал их для печати. Его письма стали известны всем (включая королеву и всех ее министров), ведь там были не только экзотический материал и лирические излияния, но и подробности полуконфиденциального характера, что у многих вызывало живой интерес, на что Валера и рассчитывал.

Испания и Россия должны были обменяться орденами разного достоинства, и каждая из сторон пыталась соблюсти свои интересы; в конце концов переговоры зашли в тупик, и эта путаная ситуация, затрагивающая амбиции многих испанских и российских лиц, была подробно описана в письмах. Валера иронично отзывался о своем начальнике (главе миссии), и тот заподозрил его в том, что именно из-за него задерживается прибытие орденов с испанской стороны. Эта интрига нашла свое место в общем контексте писем наряду с описаниями русских обычаев и нравов, глубокими историософскими размышлениями о предназначении России, откровениями интимного характера и подробными теологическими рассуждениями о расхождениях между католицизмом и православием. Ортега-и-Гассет считал, что Валере была присуща «холодная желчность энциклопедиста» [4, с. 49]. Постоянно иронизируя над самим собой, Валера позволял себе быть достаточно язвительным и по отношению к тому, что его окружало. Автор «Писем из России» создал себе имя и оказался в центре внимания. Они в известной мере определили его призвание писателя. Впервые появилось в эпистолярном жанре сочетание психологических, публицистических и экзотических элементов, и это оказалось таким неожиданным и увлекательным, что обеспечило Валере грандиозный читательский успех. Очень многоцветна и эмоциональная палитра писем – от восторга к сарказму, от жалоб к философским обобщениям, от ярких портретов людей к сухим экономическим выкладкам [5, с. 317-330].

Краткое содержание «писем из России»

Если более подробно касаться содержания писем, то

оно таково. При въезде в Россию молодого дипломата поразил холод и долгие унылые дороги со сложными переправами. На протяжении всей книги Валера подробно описывает приемы в великолепных пышных дворцах. Его изумил Зимний дворец, Итальянский театр. Он замечает, что «русские – великие комедианты и изображали наобум все, что им захотелось» [2, с. 41]. Он замечает, что у русских есть «преувеличенное национальное самолюбие, огромное самомнение, хотя и оправданное во многом, и личное тщеславие, и хвастовство, которых нет ни во Франции, ни в Испании, ни в одной стране на свете» [2, с. 43]. Описания развлечений нередко перемежаются у Валеры с философскими рассуждениями. Так, он считает, говоря об Азии, что «цивилизаторская и возрожденческая миссия в этих регионах доверена русским самой судьбой», и в целом, «что этот народ, действуя осторожно, всего может достичь со временем» [2, с. 50]. Он сетует, что из-за всяких газет об Испании в России неверные представления, хотя здесь «достаточно благообразны и хорошо воспитаны», чтобы перепечатывать из иностранных газет совсем уж вздор. Валера пишет: «я отмечаю в русских галантность и весьма ею восторгаюсь» [2, с. 51-52].

Вообще, Валера отмечает, что не пытается даже отчасти описать огромную российскую империю, где обитает столько различных рас с невиданными обычаями, говорят на столь разнообразных языках. Дипломат сожалеет, что, не зная русского языка, ничего не может сказать о русской литературе, о которой много говорят; однако он собирается почитать русских поэтов в немецких переводах [2, с. 57-58]. Он также сожалеет о том, что русские и слова не знают по-испански (исключая двух-трех человек), «несмотря на фантастическую способность русских к языкам», и почти ничего не знают об испанской литературе [2, с. 60-61].

Очень много внимания Валера уделяет поразившему его Эрмитажу. Он пишет: «в настоящее время этот великолепный дворец превратился в один из самых чудесных музеев мира» [2, с. 67]. Он подробно описывает его убранство и коллекции, говорит, что в Эрмитаже собрана самая полная в мире коллекция картин испанских художников. Валера отмечает величественность Санкт-Петербурга; его поразили огромные площади и улицы, количество дворцов. Он мечтает отправить в Россию экземпляры испанских книг (которых в России нет). Тут же он рассказывает о князе Михаиле Голицыне, библиофиле, будущем посланнике в Мадриде, который владеет в том числе и многими испанскими книгами.

Валера уделяет много внимания русской религиозной музыке, ее истории. По его мнению, она дарит «сладостный покой». Он сравнивает церковный хор с органом – огромным, живым и удивительным [2, с. 82-83]. Пора-

жают его и памятники – Петру Первому, Александрийский столп, Триумфальная арка. Валера рассказывает и о встрече с русскими журналистами и литераторами, в том числе с Боткиным, описавшим свое путешествие в Испанию в письмах. Как пишет М.П. Алексеев, это произведение В.П. Боткина также было написано в 1945 г. Оно оказало сильное влияние на русского читателя, послужило образцом жанра «путешествий», сохраняло актуальность и спустя десятилетия. Это было повествование наблюдательного очевидца. «Письма об Испании» отозвались в русской поэзии целым рядом перепевов и подражаний. В книге Боткина было приведено большое количество испанских фраз и цитат, текстов народных испанских песен. Произведение Боткина способствовало отчасти также и возбуждению интереса к новой испанской литературе [6, с. 170-205].

Но вернемся к Валере. Он замечает, что его и его коллег знакомили только с высшим светом, а о самом народе империи в сорок миллионов человек он ничего не знает. Он полагает, что люди этой страны «крепки, ловки и выносливы в работе, не уроды и не красавцы». Валера считает, что у этих людей «практическая смекалка сильнее, чем ум, склонный к метафизическим построениям, что они лучше понимают увиденное, чем услышанное... что подражают чаще, чем изобретают, и что в глубине души они скорее сенсуалисты, чем спиритуалисты. Этот народ живет больше чувствами, чем разумом» [2, с. 110-111]. Валера считает, что в России все идет по Божьей воле, что качество импонировать, блистать и ослеплять очень характерно для русских. И «национальное самолюбие – это единственное, что в этом народе наивно» [2, с. 138-139].

Валера пишет: «каждый день я нахожу отъезд отсюда все более трудным. Здешнее общество так приветливо и аристократично, а женщины так изящны и так красивы, что я постоянно очарован и поражен ими, и нет возможности оставить их, не прилагая для этого неслыханных усилий...» [2, с. 150]. Он снова пишет, что многое отдал бы за знание русского языка, что собирается выучить его. Он считает, что русская литература существует уже века, хотя это далеко не все понимают, и началась во времена, когда другие народы Европы ещё не родились; он отмечает «Latorissas» («Летописи») и «одну эпическую поэму о походе князя Игоря Святославича» (видимо, «Сказание о полку Игореве») [2, с. 151-154].

Для дипломата оказывается очень важной тема религии в России, он хочет получше узнать, в чем расхождения верований русских с верованиями Римской Католической церкви. Для этого он изучает, в частности, полемические религиозные книги, написанные на французском языке. Будучи ревностным католиком, он считает, что православным можно и нужно многому научиться у католиков. Ему «представляется, что наставление в

вере и обращение язычников и магометан России вызвано причинами скорее политическими, чем религиозными», он видит в этом «скорее принуждение, чем убеждение», хотя имеются примеры замечательных русских миссионеров [2, с. 162-166]. Валера задаётся вопросом, а так ли глубоки препятствия, разделяющие западную и восточную Церкви. Он считает, что нужен постоянный и единственный авторитет (как Папа у католиков), чтобы сохранить в чистоте и целостности традиции, чего как раз нет у православных. Также он касается разницы в представлениях католиков и православных о том, от кого же исходит Святой дух, и о чистилище. В остальном, считает он, русские согласны с католической Церковью [2, с. 167-172].

Валера отмечает, что ввиду инертности русской Церкви в ней не бывает и ересей (если не считать «староверцев», о которых он подробно рассказывает). Валера считает, что в русском народе «несмотря на заблуждения,.. имеется множество добродетелей, удивительная энергия, и мощь, и вера в будущее, и любовь к отчизне, и беспредельная вера в свою спасительную миссию...» [2, с. 186-200]. Он считает, что русские скорее гордятся тем, что они являются синтезом азиатской и европейской цивилизации [2, с. 213-217].

Валера пишет о том, что в России в изобилии пишутся книги, особенно говорят о романах Тургенева. Он замечает, что образованные люди здесь читают русских авторов только после одобрения французской критики, что не мешает каждому русскому доказывать, что их авторы непереводаемы и божественны. Он читал Пушкина, Гоголя и Лермонтова в переводе, и он уверен, что они в высшей степени ценны на своем языке, а на чужом не остаётся почти ничего [2, с. 304].

Спустя несколько месяцев пребывания в России Валера пишет, что ранее наговорил много глупостей по поводу религии русского народа, неэффективности Русской церкви и, раскаяваясь, берет все свои слова обратно. Он удивлен и растроган религиозностью русских и тем прекрасным, что видел в те дни. Он описывает Страстную Субботу в Санкт-Петербурге и в доме Шереметева, празднование Светлой Пасхи. Валера пишет: «прошедшие церемонии, гимны, моления... были очень красивы, полны тайного, задушевного и глубокого смысла» [2, с. 306-314].

Майская Москва его поразила. Она показалась ему более своеобразной, неслыханной, чем Рим, Гранада, Неаполь, Рио-де-Жанейро вместе взятые [2, с. 357-362]. Кремль напомнил ему Альгамбру. Бесчисленное множество храмов, сады и огороды, безграничная равнина и всюду огромный горизонт, как на море, заставляли его вспоминать восточные сказки. Однако вблизи все это показалось ему более прозаичным.

Валера подробно и в красках описывает диковинный для него Покровский собор [2, с. 363-371]. Его удивили артисты-цыгане: по его мнению, нигде нет столько цыган, как в России, и нигде они не возвысились и не отличились своими песнями, танцами и ловкостью так, как в России, что он считает вполне заслуженным. Похожая ситуация только в Испании, но и там, по его мнению, цыганское искусство никогда не доходило до такой степени высоты и величия [2, с. 375-381]. Напоследок Валера посещает Царское Село и Павловск с их прекрасными дворцами, парками и садами; они вызывают у него восхищение, тем более что там давали концерты оркестры.

Анализ русизмов в произведении

В столь подробных письмах из России, разумеется, не могло обойтись без русизмов (заимствований из русского языка). В основном это топонимы и антропонимы, есть несколько общественно-политических и бытовых реалий. Валера не был переводчиком, и перед ним не стояла задача как можно точнее передать звучание и написание российских реалий (хотя заметно, что он подошел к этому вопросу со всей тщательностью), поэтому где-то он транслитерировал слова, где-то транскрибировал так, как услышал. Как пишет Л.В. Щерба, из-за кириллицы «вырастает целая проблема передачи русских фамилий и русских географических названий латинским алфавитом, проблема, имеющая не только чисто технический аспект, но и общекультурный, ... и даже отчасти политический». Прежде всего, встает вопрос, что передавать - произношение русских слов или их написание. Русское произношение нельзя считать абсолютно единым, поэтому приходится держаться орфографии, а не произношения, и вопрос ставится не о транскрипции (записи звуков), а об их транслитерации, т.е. о передаче букв соответственных слов. Вообще, вопрос о транслитерации русских фамилий и географических названий перерастает в вопрос о строительстве интернационального латинского алфавита для международных сношений [7, с. 171-175]. Есть у Валеры и опечатки – мы уже не узнаем, это идет от автора или от издателя. У Валеры встречаются разные варианты написания одного и того же топонима (антропонима); вероятно, потому что тогда не было устойчивой традиции их написания, а о некоторых городах и людях до него никто и не писал. Валера владел французским и немецким языками (а общался в России в основном на французском), и в передаче им русских слов это сказывается. Так, окончания русских фамилий на «-ов» в основном передается немецким буквосочетанием «off», русский звук [ш] – немецким буквосочетанием «sch», звук [в] передается то через «v», то через «w» (как в немецком языке). Звук [ж] передается буквой «j», а звук [у] – чаще через «ou» (как во французском), звук [ч] – с помощью буквосоче-

тания «tch» (как в немецком), звук [ш] – через «ch» (как во французском). Вероятно, влияет и испанский язык: звук [с] передается то через два «s», то через одно, звук [в] может передаваться буквой «b». Последний звук может передаваться и через «u».

В тексте встречаются множество русских топонимов (см. таблицу 1), антропонимов (см. таблицу 2) и слов-реалий.

Таблица 1.

Топонимы.

Русский топоним	Испанское написание
Царское Село	Tsarkoie-Sélo и Tsarskoie-Selo
Севастополь	Sebastopol
Бородино	Borodino
Казань	Kasan и Kassan
Астрахань	Astracán
Керчь	Kertch
Азов	Azoff
Оренбург	Oremburgo
Златоуст	Zlatoust
Алтай	el Altai
Одесса	Odessa и Odesa
Киев	Kiew и Kiev
Владимир	Wladimiro
Невский проспект	Newski и Neuski
Васильевский остров	Vasilioströff
Нижний Новгород Новгород	Nijni-Novgorod Nowgorod
Ростов	Rostoff
Кострома	Kostronia
Феодосия	Teodosia
Беловежская пуща	los bosques de Bialoveja
Полтава	Poltawa
Гатчина	Gatchina
Черкесия	Chircasia
Дагестан	Daghestan
Ладога	Lágoda (видимо, описка)
Санкт-Петербург	San Peterburgo (без "s")

Как видим, некоторые примеры написаны в двух вариантах – видимо, из-за отсутствия нормы, а может быть, это влияние трех языков, которые знал Валера (испанского, французского, немецкого). Интересно, что название Wladimiro дано с испанским окончанием. В самом начале «Писем», когда речь шла о въезде в Россию, есть слово Granitza (граница); видимо, Валера понял его как топоним.

Еще больше в тексте антропонимов:

Таблица 2.

Антропонимы.

Русский антропоним	Испанское написание
Михаил Горчаков	Miguel Gortchakoff и Gartchakoff
Протасов	Pratassoff
Суворов	Souvarov
Княжны Трубецкая, Долгорукая, Меншикова, Трубецкой, княжна Лусия Долгорукая	las princesitas Troubetzkoy, Dolgorouky, Menschikoff, Troubetskoy (князь) la princesa Lucía Dolgorouki
Нарышкин	Nariskin
Княжна Кочубей	la princesa Kotchoubey
Великая княгиня Екатерина Михайловна	la gran duquesa Catalina Michailowna
Михаил Голицын	Miguel Galitzine
Тенгоборский	Tengoborski
Генерал Крашнаковский	el general Kraschnakousky
Княжна Юсупова	la princesa Youssoupoff
Бортнянский	Bartnianski
Жеребцов	Gerebsoff
Пушкин	Pouschkine
Иван Васильевич	Iván Vasiliewitch
Толстой	Tolstoi
Андрей Николаевич Муравьев	Andrés Nikolaiewitch Murawieff
Пожарский	Pojarskoy
Воробьев	Vorovieff
Щедрин	Schedrin
Калушин	Kalouschine
Шишков	Chischkoff

Как можно заметить, здесь тоже сказывается влияние и немецкого (окончание фамилий на «-off», употребление буквы «w»), и французского языка (передача звука [у] через буквы «ou», [ж] через «j» и «g», [ш] через «ch», а женские фамилии идут в мужском роде). Интересен вариант с Пожарским (видимо, тогда произносилось «Пожарской», и Валера так и транскрибировал). Также нет устойчивой нормы, одна и та же фамилия может передаваться разными способами (например, звук [ц] передается через буквосочетания «tz» и «ts»). Можно заметить, что Валера передает именно русское произношение, не написание, т.е. дает транскрипцию (так, Голицын передается как Galitzine, а Соболевский как Sobolefski). Есть еще одна особенность – фамилии на «-ский» могут передаваться через «ski» или «sky», а фамилии на «-ой» – через «oi» или «ou». Как и в случае с топонимами, есть описки (Souvarov); видимо, Валера писал слово так, как его услышал. Интересно, что имена, имеющие испанский

аналог, даны в испанском варианте (Андрей-Andrés).

Есть в тексте и слова-реалии. Надо отметить, что все они (за исключением особо нами оговоренных) выделены курсивом. И в этом случае Валера тоже прибегает к транскрипции.

Валера много рассуждает об истории России, ее устройстве, поэтому в тексте немало общественно-политических реалий: *cosacos* – казаки, *boyardo* – боярин, *boyarda* – боярыня (это слово в тексте не выделено; это говорит о его освоенности в испанском языке, тем более, что оно приобрело категорию рода), *los iswoschik* – извозчики, *tártaro* – татарин, *baskires* – башкиры, *kirghises* – киргизы, *buriatas* – буряты, *tungueses* – тунгусы, *samoyedos* – самоеды, «*Latopissas*» – Летописи, *tzar* и *zar* – царь (без выделения как уже известные читателям), *ukase* – указ (также слово не выделено), *staroversi* – староверы, *dugoborzi* – духоборцы, *skopzi* (скопцы), *mujik* – мужик (без выделения), *estolnikos* и *los stolnikos* – стольники, *nemen* – немец.

Также его восхищает природное изобилие России – сочные виноградники, вкуснейшие рыба и дичь [2, с. 62-66]. Здесь встречается реалья из фауны: *la marta cibelina* – соболь.

Валера несколько раз затрагивает тему российской еды. Он сочувствует «плебсу», который питается ржаным хлебом, гречневой кашей, щами и «отвратительным горьким пивом» квасом. Пробовал русскую пищу, и он сам, и теперь шутит, что эта пища «стала частью моего сознания, подобно закваске или неким моральным дрожжам» [2, с. 77-78]. Писатель снова сетует, что не знает русского языка, но теперь из-за извозчиков и дорог; по его словам, в России всегда очень трудно найти дорогу. Извозчики не знают языков и не умеют читать, улицы очень длинные, а дома имеют свои названия, которых извозчики не знают. Правда, Валера отмечает, что выучил все-таки три слова, и с их помощью, зная дом, можно как-то управлять ситуацией. Он посвящает несколько абзацев одежде извозчиков и другого простого люда – упоминает кафтаны с кушаками, овчины, меховые сапоги и прочее (она его поражает не меньше, чем пышная одежда богатых аристократов), поэтому в его тексте встречаются и бытовые реалии: еда: *stchi* (и объяснение: суп из сала и капусты), *kwas* (и пояснение – отвратительное кислое пиво); одежда: *lapti* – лапти, *sarafán* – сарафан, *kakoschnik* – кокошник, *caftanes* – кафтаны (слово не выделено); средства передвижения: *droschki* и *droski* – дрожки, есть и слово *el knout* – кнут; есть здания: *terema* – терема; мера весов: *zolotnik* – золотник (слово никак не выделено), встречается и слово *rapirós* – папироса. Дипломат посвящает несколько абзацев необходимым в Москве дрожжам и их кучерам. Он отмечает, что в целом российские кучера, лакеи, крестьяне, бродяги кажутся

ему более ловкими, проворными и забавными, чем в Германии, Англии и Франции.

Кроме того, есть отдельные словосочетания и даже предложения, которые надо отметить особо. Они тоже, как почти все русизмы, набраны курсивом. Валера не раз отмечает, что не знает русского (хотя очень хочет его знать) и что ему удалось выучить только три слова (для извозчика): *na prava, na leva, stoi* (направо, налево, стой). Он их транскрибирует именно так. Описывая Пасху, он пишет, что русские постоянно произносят слова «Xristos vaskrés» и «Va ístina vaskrés». Интересно, что в имени «Христос» используется начальная латинская буква. Также Валера упоминает слово *pajalusta* (пожалуйста), дает перевод слову «palabra» – *slavo* (именно через «а»). Он упоминает словосочетания *stakan vadí* (стакан воды) и *chasca café* (чашка кофе) и приводит с переводом на испанский предложение *on pil mnogo chaiu* (он пил много чая). И еще есть забавный пассаж (приводим в том виде, в котором напечатано): «Acudo al *Magasin Engliski* a comprar todo esto a un precio *disparatadiski y arruinantiski*. Ya casi hablo en ruso». Примерно это можно перевести как: «Я прихожу в английский магазин купить все это по бешеным ценам и втридорога. Я уже почти разговариваю по-

русски». Ясно, что выделенные слова здесь намеренно русифицированы.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что Валера не только впервые употребил многие русизмы в испанском тексте, но и впервые попытался передать их средствами испанского языка. Впоследствии многие из этих русизмов будут повторяться в текстах других испанских писателей, и, таким образом, станут знакомыми и привычными испанскому читателю, позже войдя в Корпус испанского языка. Целью Хуана Валеры было показать экзотическую страну. Он комментирует некоторое количество русизмов, чтобы приблизить читателя к новой для них реальности. Это был новый тип изданий, востребованный и модный жанр, попытка дать энциклопедические сведения о далекой стране. Сам тип повествования был призван отразить особенности России. И хотя в целом Валера был настроен прозападнически, можно в заключение привести его цитату: «... в лоне русского народа зарождается и начинает развиваться, напористо, автономная цивилизация, плоды которой в грядущем смогут оказать бесценное влияние на общий прогресс человечества» [2, с. 200].

ЛИТЕРАТУРА

1. Valera J. *Cartas desde Rusia*, Madrid, 1986, 301 p.
2. Валера Х. Письма из России. СПб, фонд Сервантеса, 2001, 438 с.
3. Valera J. *Cartas desde Rusia*, Madrid, 2005, 355 p.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. Москва, Искусство, 1991, 586 с.
5. Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница, СПб, Наука, 2006, 476 с.
6. Алексеев М.П. Русская культура и романский мир, Ленинград, Наука, 1985, 542 с.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность, Ленинград, Наука, 1974, 427 с.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т.1, Ленинград, изд-во Ленинградского ун-та, 1958, 182 с.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку, Москва, Учпедгиз, 1957, 188 с.
10. Испанско-русский словарь, Москва, Русский язык, 70 000 слов, 1988, 830 с.
11. Словарь Испанской королевской академии <https://dle.rae.es/>
12. Диахронический корпус испанского языка <https://apps.rae.es/CNDHE/view/>.

© Мамилова Светлана Абдурахметовна (serdle@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»